

**ОТРАЖЕНИЕ ЖЕНСКИХ И МУЖСКИХ ОБРАЗОВ В ЯЗЫКОВОЙ
КАРТИНЕ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И УЗБЕКСКОГО
ЯЗЫКОВ)**

Хусанова Саломат Хушбаковна

Преподаватель кафедры русского языка и литературы

Денауский институт предпринимательства и педагогики

E-mail: salomathusanova@gmail.com

Рашидова Севинч

Студентка 4 курса

Денауского института предпринимательства и педагогики

faridabdunabiyev@gmail.com

Аннотация. В статье исследуется специфика репрезентации гендерных образов в русской и узбекской языковых картинах мира. На основе сопоставительного анализа лексических единиц, фразеологизмов и литературных текстов выявляются национально-культурные особенности формирования маскулинности и феминности. Рассматриваются различия в грамматических системах языков и их влияние на восприятие пола. Особое внимание уделяется терминам родства, этикетным формам и архетипическим образам, зафиксированным в произведениях классиков (А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, А. Кадыри).

Ключевые слова: *гендер, языковая картина мира, менталитет, паремия, концепт, маскулинность, феминность, лингвокультурология, термины родства, безэквивалентная лексика.*

Abstract. The article explores the specific features of gender image representation within the Russian and Uzbek linguistic worldviews. Through a

comparative analysis of lexical units, phraseological expressions, and literary texts, the study identifies national and cultural characteristics in the formation of masculinity and femininity. The author examines differences in the grammatical systems of the two languages and their impact on the perception of gender. Particular attention is paid to kinship terms, etiquette forms, and archetypal images captured in the works of classical writers such as A.S. Pushkin, L.N. Tolstoy, and A. Kadiri.

***Keywords:** gender, linguistic worldview, mentality, paremia, concept, masculinity, femininity, linguoculturology, kinship terms, non-equivalent lexis.*

Введение. Проблема взаимосвязи языка и культуры является одной из центральных в современной антропоцентрической лингвистике. Языковая картина мира (ЯКМ) не просто отражает действительность, но и формирует восприятие человека, навязывая ему определенные смысловые категории. Одной из таких базовых категорий является гендер — социокультурный пол, который, в отличие от биологического пола, включает в себя весь спектр ожиданий, стереотипов и ролей, предписанных обществом мужчине и женщине.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью глубокого осмысления того, как в разных языковых системах — флективном русском и агглютинативном узбекском — кодируются представления о мужском и женском начале. Научная новизна работы заключается в комплексном сопоставлении концептуальных сфер «мужчина» и «женщина» на стыке лингвистики, философии и литературоведения.

Основная часть. Теоретическую базу исследования составляют труды В. фон Гумбольдта, Э. Сепира и Б. Уорфа, заложивших основы гипотезы лингвистической относительности. В контексте русского языкознания неопределимый вклад внесли Ю.Д. Апресян и А.В. Кириллина, чьи работы позволили выделить гендер как самостоятельный объект лингвистического анализа.

Языковая картина мира является «кумулятивной» (Н. Махмудов), то есть она накапливает культурный опыт народа. В русском языке гендер имеет жесткую грамматическую привязку через категорию рода. В узбекском языке отсутствие рода компенсируется богатейшей лексической системой и контекстуальными маркерами. Таким образом, если в русском языке гендер «вшит» в грамматику, то в узбекском он распределен в лексико-семантическом поле и речевом этикете.

Анализ ключевых лексем показывает интересную динамику. В русском языке слово «мужчина» этимологически связано с корнем «муж» (сильный, зрелый). Слово «женщина» прошло сложный путь от «жена» (рождающая). В узбекском языке лексема *erkak* восходит к древнетюркским корням, означающим «волю» и «силу». Женская номинация *ayol* в современном языке носит нейтрально-почтительный характер, однако в сельской местности сохраняется использование слова *xotin*, которое, несмотря на историческое происхождение от высокого титула «хатун», в разговорной речи иногда приобретает сниженную окраску.

Узбекская ЯКМ характеризуется необычайной детализацией терминов родства. Система *aka / uka* (старший/младший брат) и *opa / singil* (старшая/младшая сестра) жестко фиксирует возрастную иерархию внутри гендерной группы. В русском языке эта дифференциация утрачена или выражается описательно. Это свидетельствует о том, что для узбекской культуры крайне важно место индивида в семейной структуре, тогда как русская культура более ориентирована на индивидуализацию личности вне зависимости от её места в родовом древе.

Пословицы и поговорки являются концентратом народного менталитета. В обеих культурах доминирует андроцентричная модель, где мужчина выступает как активное начало.

Образ мужчины:

В русских поговорках: «Муж — голова, жена — душа». Мужчина — это защитник и кормилец.

В узбекских поговорках: «*Er bosh — xotin quyosh*» (Муж — голова, жена — солнце). Здесь прослеживается иная метафора: мужчина — структура и власть, женщина — свет и тепло, без которого жизнь невозможна.

Образ женщины: Русский фольклор часто наделяет женщину противоречивыми качествами: от «бабьего ума» до великой жертвенности. Узбекская поговорочность более последовательна в сакрализации женского начала через материнство: «*Jannat onalar oyog'i ostidadir*» (Рай находится под ногами матерей). При этом ключевым качеством девушки считается *sabr* (терпение) и *ibo* (скромность).

В ходе исследования были выявлены концепты, которые с трудом поддаются переводу, но являются стержневыми для национальных ЯКМ.

Andisha (узб.) — уникальный концепт, включающий в себя такт, осторожность, уважение к чужому мнению и умение «сохранить лицо». Это качество считается обязательным для женщины в узбекской культуре.

Душа (рус.) — широчайший концепт, который в русской ЯКМ часто связывается с женским началом. «Русская душа» в литературе — это часто женский образ (от Ярославны до Наташи Ростовской).

Lafz (узб.) — кодекс мужской чести, верность данному слову. Для узбекской ЯКМ потеря «лафза» означает потерю мужского статуса.

Литература является высшей формой репрезентации ЯКМ. В работе Севинч Рашидовой проводится глубокое сопоставление героев русской и узбекской классики.

Татьяна Ларина (А.С. Пушкин) и Кумушбиби (А. Кадыри). Татьяна — это «русская душа», её величие в верности моральному долгу перед самой собой.

Кумуш — это восточный идеал, её величие в абсолютной гармонии с традицией, кротости и всепрощающей любви. Оба образа объединяет чистота, но пути её реализации различны: через индивидуальную рефлексия у Татьяны и через родовую этику у Кумуш.

Князь Андрей (Л.Н. Толстой) и Отабек (А. Кадыри). Болконский — это путь рационального поиска смысла жизни, индивидуализм, перерастающий в служение. Отабек — это трагедия человека, разрывающегося между личным чувством и законами патриархального общества. Его маскулинность выражается в глубоком страдании при сохранении внешней сдержанности (*vazminlik*).

Заключение. Русская и узбекская языковые картины мира отражают различные типы социокультурного устройства. Русская ЯКМ эволюционирует в сторону эгалитарности и акцента на индивидуальных психологических характеристиках личности.

Узбекская ЯКМ сохраняет традиционную иерархичность, где гендерные роли четко распределены в зависимости от социального и семейного статуса. Язык выступает мощным инструментом поддержания этих традиций через систему этикета и паремий.

Несмотря на различия, обе культуры солидарны в высокой оценке материнства и семейных ценностей, что подтверждается анализом фразеологического фонда.

Данная работа может быть полезна специалистам в области лингвокультурологии, межкультурной коммуникации, а также преподавателям русского и узбекского языков.

Список использованной литературы

1. Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. — М.: Языки русской культуры, 1995. — 766 с.

2. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики. — М.: Либроком, 2011. — 352 с.
3. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). — М.: Русский язык, 2011. — 720 с.
4. Кадыри А. Минувшие дни (O'tkan kunlar). — Ташкент: Шарк, 2018.
5. Кириллина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. — М.: Институт социологии РАН, 1999. — 189 с.
6. Махмудов Н. Tilning egasiz ko'zgusi. — Toshkent: O'zbekiston milliy ensiklopediyasi, 2009. — 256 b.
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. — М.: Русский язык, 1990.
8. Пушкин А.С. Евгений Онегин. Полное собрание сочинений. — Л.: Наука, 1977.
9. Толстой Л.Н. Война и мир. — М.: Художественная литература, 1979.
10. O'zbek tilining izohli lug'ati (O'TIL): 5 jildli. — Toshkent: O'zbekiston milliy ensiklopediyasi, 2006–2008.